

Хроника научной жизни

XVII ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ТРИУМФ ИЛИ КРИЗИС?»

Андрей ЗАОСТРОВЦЕВ

Андрей Павлович Заостровцев —
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Международного
центра социально-экономических исследований
(МЦСЭИ) «Леонтьевский центр»
(190005, Россия, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 25).
E-mail: zao-and@yandex.ru

16–17 февраля 2018 года в Санкт-Петербурге в Леонтьевском центре состоялась XVII ежегодная международная конференции из цикла «Леонтьевские чтения». Организаторы конференции решили посвятить ее текущему состоянию методологии экономической теории. Следует отметить, что это не первые Леонтьевские чтения, посвященные методологическим проблемам экономической науки, — в частности, на этой или близкой тематике были сосредоточены доклады участников чтений, проходивших в 2011-м, 2014-м и 2016 годах.

В этом году Леонтьевские чтения открыл доклад *В. С. Автономова (НИУ ВШЭ, Москва)* на тему «Экономическая теория до и после Великой рецессии». Докладчик отметил, что экономическая наука развивается под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, причем последние действуют в основном на макроэкономике. Природа всех известных потрясений XX — начала XXI века (Великая депрессия, стагфляция 1970-х годов и Великая рецессия 2008–2009 годов) не была объяснена господствующим направлением макроэкономики. Поиск микрооснований макроэкономических процессов не принес ожидаемых результатов. Докладчик выразил убеждение, что новая классическая экономика Роберта Лукаса (основанная на рациональных ожиданиях), реальные бизнес-циклы Финна Кюдланда и Эдварда Прескотта, а также модели DSGE в сочетании с правилом Тейлора обладали большей внутренней последовательностью, но оказались в гораздо меньшей степени пригодными для политики — разрыв между экономической наукой и искусством политики лишь увеличился. Перечислив приверженцев моделей DSGE (Оливье Бланшара, Варадараджана Чари, Бена Бернанке), докладчик обратил

внимание на их критику, причем со стороны макроэкономического мейнстрима (Уиллема Баутера, Пола Ромера, Роберта Солоу, Джозефа Стиглица, Лоуренса Саммерса). Модели DSGE не в состоянии описывать отрицательную динамику. Перспективы экономической теории зависят от соотношения внутренних и внешних воздействий. Чему будет отдано предпочтение: внутренней последовательности или внешнему правдоподобию?

Свое продолжение и развитие дискуссия о макроэкономике получила в докладе **Р. М. Нуреева** (*Финансовая академия при Правительстве РФ, Москва*) «Современные макроэкономические теории: триумф или трагедия?». В нем были рассмотрены основные этапы эволюции макроэкономики, сформулированы причины успеха «Общей теории занятости, процента и денег» Джона Мейнарда Кейнса и раскрыто значение его теории. Наиболее же интересными были ответы на следующий вопрос: «Почему экономическая теория Кейнса не смогла подняться до уровня подлинной политической экономии?» Один из них заключался в том, что эта теория включает в себя слишком много технических элементов и не исследует их социально-экономическую природу. Кейнс не раскрывает специфику социальных групп, ни одна из них не проявляет своих особенных интересов. После рассмотрения хиксианского и американского кейнсианства докладчик обратился к неортодоксальному кейнсианству, которое апеллировало к первоначальным текстам Кейнса (Роберт Клауэр, Аксель Лейонхуфвуд), а также к посткейнсианству (Джоан Робинсон, Пьеро Сраффа, Николас Калдор). Далее в выступлении речь зашла о консервативном вызове Кейнсу. Экономический кризис 2008–2009 годов способствовал оживлению критики современного макроэкономического мейнстрима. Особое внимание было уделено несовершенству макроэкономических моделей, их оторванности от проблем реальной экономики. Заключительная часть доклада была посвящена критике формализма экономической теории. Идеалом научности в неоклассической теории является математическая строгость, а не реалистичность. Отбрасывается качественное, человеческое, а потому самое важное.

П. А. Ореховский (*Институт экономики РАН, Москва*) посвятил свое выступление анализу дискурса мейнстрима экономической теории, который был охарактеризован как «стагнация в форме расцвета». Однако подняты были проблемы не только мейнстрима, но и экономической теории в целом, трактовки ее места в социуме. Началось выступление с обращения к методологическим проблемам — представлению сциентизма (культы научного знания) как религии модерна. Микроэкономический дискурс был определен как мир «фэнтези», а макроэкономический — как мир романов, написанных в стиле социалистического реализма. Институционализм, по мнению

докладчика, больше походит на прокламации и детективы. С одной стороны, можно говорить о расцвете экономической теории после 2008 года: мейнстрим включил в себя поведенческую экономику, концепцию финансовой хрупкости Хаймана Мински и др. С другой стороны, экономическая теория стагнирует: все ее новаторские идеи были фактически впервые сформулированы во второй половине XX века. В заключительной части был сделан вывод о непоколебимости мейнстрима именно как формы сциентизма.

В. М. Полтерович (*Институт экономики РАН, Москва*) говорил о новых вехах в формировании общего социального анализа (ОСА). Для ОСА характерны четыре аспекта: (1) создание общей теории социально-экономического развития; (2) использование результатов и методов отраслей знаний, изучающих поведение живых существ и их сообществ; (3) более полное использование методов точных наук; (4) интеграция разных подходов (модели, эконометрика, case studies) с подходами, перечисленными в пунктах (2) и (3). Важнейшая задача ОСА — построить убедительную теорию социально-экономического развития. Основные препятствия на этом пути: отсутствие интегрированного образования; организация исследований, которая не способствует интеграции; идеологическое давление на исследователей. В итоге докладчик отметил, что нужна глубокая реформа: (1) социально-экономического образования; (2) организации социально-экономических исследований; (3) «кодекса чести» исследователя-социоаналитика, включая освобождение от идеологии и предвзятости.

П. М. Лукичёв (*Балтийский государственный технический университет «Военмех», Санкт-Петербург*) выступил с докладом «Рациональна ли экономическая теория?». Он начал с утверждения, что экономическая теория содержит ложную предпосылку о рациональности людей. При этом рациональность — нормативная концепция: она определяет, как люди должны вести себя, а не как они себя действительно ведут. Возникает вопрос: кто же действует в экономике — реальный человек со всеми его проявлениями или «человек экономический»? С созданием теории игр, согласно утверждению докладчика, человек, которым занимается экономическая теория, превратился в «пешку с дистанционным управлением». Основное внимание было уделено такому понятию, как «неполная рациональность». Она имеет место тогда, когда актер, зная о других факторах, влияющих на принятие экономического решения, не учитывает их. В отличие от иррациональности неполная рациональность связана с недоучетом реальных факторов, влияющих на мотивацию человека (фирмы). Посылкой же о рациональности экономик отдалается от реальности. В докладе подчеркивалось, что современная экономическая теория недоучитывает фактор времени. Докладчик отметил, что поведение фирмы

лучше описывается не концепцией рациональности, а концепцией ограниченной рациональности, которая, между прочим, в учебниках до сих пор не рассматривается. В заключение был поставлен вопрос: должен ли предмет экономики постоянно расширяться?

В докладе **Д. В. Мельника** (НИУ ВШЭ, Москва) речь шла о массовизации высшего образования, особенно в области обучения экономическим специальностям. Правда, в последние годы наметился некоторый ее спад — уменьшилось как количество утверждаемых ВАК кандидатов и докторов экономических наук, так и их доля в общем количестве утверждаемых кандидатов и докторов. В докладе были приведены данные исследования академической карьеры выпускников экономических специальностей и рынков академической продукции.

А. В. Ковалёв (Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва) представил доклад «Экономическая теория XXI века: назад в будущее?». Он отметил, что методы исследования в какой-либо науке не есть предмет самой науки. В то же время в экономике методы стали довлеть над сущностью, определять предмет. Проявлением кризиса в ней является также отсутствие целостного категориального строя и модели учебной дисциплины. Поставив вопрос «Что делать?» — докладчик дает на него следующий ответ. Во-первых, нужен отказ от претензии на знание того, чего наука в принципе знать не может, например от обоснования «правильности» государственного вмешательства, которое логически невозможно, ибо ценности различных индивидов не сравнимы. Во-вторых, необходима переформулировка предмета с открытым полем для междисциплинарности. Этим предметом, по мнению докладчика, является институциональное устройство экономики и его влияние на поведение человека, который действует в процессе реализации собственных хозяйственных интересов.

Выступление **В. Л. Тамбовцева** (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) было посвящено теме «Какая экономическая методология может быть интересна экономистам?». Цель проведенного им исследования — выявление методологических ошибок и заблуждений в трудах российских экономистов, опубликованных в 2004–2014 годах. Автором получены наукометрические оценки распространения методологических заблуждений. Среди них неверная трактовка предмета экономической науки и ее основного метода. Отмечено злоупотребление формулированием новых понятий и категорий, математическими и эконометрическими моделями. Нормативную экономику многие ошибочно наделяют статусом науки. При этом число трудов, содержащих методологические ошибки, растет опережающими темпами.

Доклад **А. М. Либмана** (Мюнхенский университет, Германия) «Эмпирические исследования в экономике: революция достоверности?»

был посвящен передовым рубежам современного экономического мейнстрима — сдвигам в эмпирической экономике. Докладчик выделил две проблемы: техническую и содержательную. В рамках первой перепроверяемость результатов есть главное преимущество количественных исследований, но появляется сложность воспроизводства опубликованных результатов. Содержательная же проблема заключается в следующем: можно ли интерпретировать эконометрические результаты как причинно-следственные связи? Докладчик видит следующие достижения произошедшей в последнее время «революции достоверности»: (1) можно с большей уверенностью утверждать, что эмпирика выявляет причинно-следственные эффекты (а не просто корреляции); (2) можно построить иерархию достоверности результатов, которая на практике представлена иерархией журналов; (3) можно сдержать волну слабых или сомнительных результатов на основе доступности данных и эконометрических программ. В то же время есть и потери, вызванные «революцией достоверности». Как быть с темами, для которых нет «естественных экспериментов»? Экономисты в отличие от социологов и политологов не очень доверяют опросным экспериментам. Далее можно задать вопрос: а являются ли «естественные эксперименты» экспериментами? В целом же докладчик констатировал огромный прогресс в качестве и убедительности эмпирических исследований, и именно эти исследования, по его мнению, отличают экономику от других общественных наук.

Ю. В. Латов (*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва*) назвал свой доклад «Маятниковая долгосрочная динамика развития экономической теории». Развитие экономической теории рассматривается как конкуренция двух метапарадигм, которые в маятниковом ритме (циклично) сменяли друг друга на протяжении последних трех столетий. Все научные парадигмы, анализирующие рыночное хозяйство, группируются в две метапарадигмы: (1) этатистские (дирижистские) теории регулирования; (2) либеральные теории саморазвития. Выделены следующие три цикла (если определять их через конечные, этатистские точки): от меркантилизма — к марксизму, от марксизма — к кейнсианству, от кейнсианства — к институционализму. Последний не завершен и продолжается в настоящее время. В ближайшем будущем следует ожидать усиления влияния идей дирижизма, а примерно через полвека произойдет очередной ренессанс либеральных идей. Тенденция к сближению дирижизма и либерализма может завершиться их фактическим слиянием и тем самым прекращением развития экономической теории в форме чередования двух метапарадигм (наступит «конец истории» экономической науки).

«Деньги и делиберация при капитализме и социализме» — так назывался доклад **В. М. Ефимова** (*независимый исследователь, Франция*).

Деньги рассматриваются им как социальный институт, а де-libe-рация — как коллективное продумывание и принятие решений. Действующие сегодня на Западе правила на базе денег и де-libe-раций берут свое начало от «Славной революции» (1688). С тех пор деньги, произведенные банками в процессе кредитования, становятся законным платежным средством, а право на де-libe-рацию относительно принятия государственных решений получают те, кто контролирует производство и/или направления использования больших сумм денег, либо те, кто представляет их интересы. Социальный порядок с такими кредитно-денежной и де-libe-ративной системами докладчик называет монетарным социальным порядком. Сам он разделяет государственную теорию денег немецкой исторической школы. Производство денег именно как кредитных денег является отличительной структурной характеристикой капитализма. Капитализм основан на социальном механизме, в котором частные долги «монетизируются» в банковской системе. При этом акт кредитования создает денежные депозиты. При социализме полученные работником в виде зарплаты деньги были по существу свидетельствами долга государства этому работнику и их можно трактовать как стандартизированные государственные «долговые расписки». При покупке товаров в государственных магазинах долг государства гасился, и эти «долговые расписки» возвращались ему. При этом докладчик считает, что де-libe-рация была не совсем формальной. В конечном итоге докладчик предлагает перейти к некоей новой де-libe-рации и новому денежному порядку.

А. А. Раквиашвили (*Свободный университет, Тбилиси, Грузия*) выбрал для своего выступления тему «Помогают ли реалистичные предпосылки строить лучшие теории?». Им были поставлены три вопроса: (1) значимы ли исходные предпосылки для экономистов, (2) как экономисты обращаются с предпосылками, (3) какие предпосылки выбирают экономисты. По мнению докладчика, экономисты часто небрежны в выборе предпосылок и крайне непоследовательны при их использовании. В качестве примера он привел допущение о несравнимости предпочтений индивидов, которое экономисты в том или ином виде принимают, но, как правило, полностью игнорируют следствия, неизбежно вытекающие из него. Схожие проблемы возникают, когда речь заходит, например, об альтернативных издержках или микроэкономических основаниях макроэкономики. И поскольку подобное отношение к предпосылкам широко распространено среди экономистов, не так уж важно, каковы сами предпосылки, — ведь они мало влияют на теории и отношение к ним.

А. А. Мальцев (*Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург*) представил доклад «Особенности развития гетеродоксальной экономической теории сквозь призму изменения

мейнстрима»¹. Задачи проведенного им исследования были таковы: (1) проверить справедливость некоторых клише, сложившихся вокруг современного мейнстрима; (2) наметить возможные траектории развития гетеродоксии в условиях трансформации мейнстрима. Докладчик привел данные проведенного им опроса более трехсот российских экономистов. Большинство из них (42,8%) относят себя к неоклассикам, 15,6% считают себя институционалистами, 7,8% заявляют о своей принадлежности к школе эволюционной экономики. 46,8% экономистов полагают, что использование математических моделей и эконометрики обязательно в экономических исследованиях; 50,6% считают, что вопрос об их использовании зависит от типа исследования; и лишь 2,6% говорят об их необязательности. Реально эконометрический аппарат в своих исследованиях используют регулярно 58,4% опрошенных экономистов, иногда — 36,4%, никогда — 5,2%. Было выяснено отношение отечественных неоклассиков и кейнсианцев к ряду экономических доктрин. Любопытно, что наиболее ярко выражено их положительное отношение к равновесному подходу при изучении экономических процессов и к теории рационального выбора. Третье место заняла теория общественного выбора. Однако парадоксальным образом высокая оценка теории рационального выбора соединяется с довольно негативным отношением к представлению о человеке как о рациональном и эгоистичном максимизаторе. Хуже отношение только к трудовой теории стоимости. Что касается гетеродоксальной экономической теории (ГЭТ), то доминирует отношение к ней как к коллекции интеллектуальных артефактов, которые следует изучать историкам экономической науки, а не экономистам. По мнению докладчика, существует две возможные стратегии развития ГЭТ: (1) постепенная интеграция в мейнстрим через овладение математическим моделированием, (2) переход из области экономической теории в сферу других общественных наук путем отделения ГЭТ от мейнстрима.

В своем докладе «Новая политическая экономия: жив ли экономический империализм?» *С. А. Афонцев (Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва)* отстаивал классическое определение экономики, данное Лайонелом Роббинсом. Экономический мейнстрим — это методологический индивидуализм, рациональное максимизирующее поведение, микрооснования макромоделей, экономический империализм. Более полувека мейнстрим демонстрирует высокую устойчивость к критике и интеллектуальным вызовам. Его основные «конкурентные преимущества»: (1) единство методологии («репрезентативный индивид рационален и максими-

¹ См. статью А. Мальцева «Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития» на с. 148.

зирует свою функцию полезности»); (2) математический аппарат как гарантия приближения к стандартам «строгой науки» в теории и эмпирике; (3) возможность решения сложных аналитических задач (например, CGE-модели внешней торговли); (4) его модели порой несовершенны, но критики не могут предложить модели лучше (см., например, дискуссии о DSGE-модели и «кризисе в экономической науке» 2008–2010 годов); (5) «поглощение конкурентов» (например, Оливер Уильямсон vs. Дуглас Норт). Далее докладчик перешел к описанию политико-экономического подхода. По его словам, этот подход базируется на том, что взаимодействие между субъектами, участвующими в выработке решений по вопросам экономической политики, является взаимодействием рыночного типа, где одни субъекты предъявляют спрос на мероприятия экономической политики, а другие — осуществляют их предложение. Были названы три принципа политико-экономического подхода: (1) единство мотивации человеческого поведения: как в экономической, так и в политической сфере люди ведут себя рационально исходя из собственных интересов; (2) взаимодействие по поводу выработки экономической политики носит рыночный характер (обмен регуляторных мер на политическую поддержку); (3) реализуемый набор мер экономической политики соответствует условиям равновесия на политическом рынке, которое моделируется с помощью стандартных инструментов экономической теории. Политико-экономический подход описывает не желаемое состояние мира («так должно быть»), а его реальное состояние («на самом деле решения принимаются вот так») и оценивает, что с учетом этого можно улучшить, что — нет.

Г. А. Баженов (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва) выступил по теме «Современные гетеродоксальные направления экономической науки: текущее состояние, будущие перспективы и возможные стратегии развития». Гетеродоксы — это экономисты, которые объединились на почве негативной программы: неприятия мейнстрима. Для описания всей совокупности гетеродоксальных программ докладчиком была предложена матрица гетеродоксальности. Часть гетеродоксальных учений использует типичные для мейнстрима методы исследования: феминистская экономическая теория, хайекианство (направление в рамках австрийской школы, идеи которого в основном восходят работам Фридриха Августа Хайека), эволюционная экономическая теория и посткейнсианство. При этом первые три идут путем интеграции с мейнстримом и лишь последнее — по пути маргинализации. Другая часть гетеродоксальных учений использует атипичные для мейнстрима методы исследования: нейроэкономика, поведенческая экономика, эконофизика, радикальная политическая экономия, ротбардианство (другое направление в рамках австрийской школы,

названное по имени американского экономиста Мюррея Ротбарда), левый феминизм, обновленный «старый» институционализм. В заключение были показаны три возможных варианта будущего гетеродоксии: (1) соблюдение «формы» без потери содержания и, как следствие, интеграция в сложную систему исследовательских программ мейнстрима; (2) привлечение инструментов и методов естественных наук при одновременном сохранении теоретических достижений мейнстрима: нейроэкономика и эконофизика; (3) «исход» из сферы economics и, как следствие, маргинализация или превращение в раздел смежных социальных наук.

А. П. Заостровцев (*Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», Санкт-Петербург*) представил доклад «Институциональная теория и история: российский вариант». В нем шла речь о четырех задачах институциональной истории. Во-первых, ей важно сосредоточиться на цивилизационном подходе и активно использовать категориальный аппарат институционализма в анализе цивилизаций. Во-вторых, институциональной теории нужно рассматривать трансформации институтов в рамках ядра в историческом времени, наполняя посредством него конкретным содержанием концепцию path dependency. В-третьих, для институциональной теории плодотворно трактовать историю как противоборство устремленных к экспансии институциональных моделей в рамках конфликта правовой и силовой цивилизации. В-четвертых, институциональная теория должна опираться на доминирующий в той или иной цивилизационной модели культурно-антропологический тип человека. Напрашивается отказ от предпосылки универсального человека («человека вообще»). Следовательно, ставится под вопрос и универсальность институциональной истории. Может ли существовать единая институциональная история в мире, разорванном на противостоящие цивилизации? Как бы то ни было, институциональная история должна выделиться в особую ветвь социальных наук, оторвавшуюся от экономических факультетов. Наиболее перспективный путь — это, вероятно, синтез новой институциональной экономической истории с исторической социологией.

Вклад радикального экономиста австрийской школы Мюррея Ротбарда в экономическую науку был раскрыт **П. В. Усановым** (*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург*) в докладе «Мюррей Ротбард как историк экономической мысли». Вначале со ссылкой на Дейдру Макклоски было показано вытеснение курсов истории экономических учений и экономической истории из американских университетов. К достижениям Ротбарда отнесены: общая теория интервенционизма, исследование причин Великой депрессии, труд по истории экономической мысли, разработка теории денег и банковского дела,

критика экономики благосостояния и мейнстрима, модель частных охранных агентств в качестве альтернативы государству.

Ю. В. Кузнецов (журнал «Экономическая политика», Москва) посвятил свой доклад новым вызовам, с которыми сталкивает денежная теория (как раздел экономической теории) в связи с изобретением криптовалют и вообще криптоактивов. Хотя сообщество людей, занимающихся криптовалютами, возникло вне рамок экономической профессии, оно с самого начала использовало терминологию и концепции, до этого бытовавшие лишь в узком кругу теоретиков, занимающихся денежными вопросами. Со временем в дискуссию о криптовалютах оказались втянуты и экономисты-теоретики, перед которыми практика ставит множество вопросов, в том числе: в какой мере можно считать криптовалюты деньгами? можно ли ожидать, что криптовалюты придут на смену традиционным фиатным деньгам и при каких условиях это возможно? какое место в экономике и хозяйственном обороте могут занять эти инструменты, если они будут существовать одновременно с фиатными валютами? По мнению докладчика, для получения адекватных ответов на эти и другие вопросы целесообразно реструктурировать традиционную денежную теорию, разделив ее на три составляющие: теорию средств обмена, теорию платежных средств и теорию средств экономического расчета. Хотя деньги объединяют в себе эти три функции, в реальности средствами обмена, платежными средствами и средствами экономического расчета часто служат разные объекты. Теоретически криптовалюты (и другие нетрадиционные активы) могут брать на себя одну или две из этих трех ролей, не беря их все (то есть не становясь деньгами в строгом смысле этого термина).

Ekonomicheskaya Politika, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 170-179

Andrey P. ZAOSTROVTSEV, Cand. Sci. (Econ.). The International Center of Social and Economic Research (ICSER) “Leontief Centre” (25, 7-ya Krasnoarmeyskaya ul., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation).
E-mail: zao-and@yandex.ru